

В ГОСТЯХ У БАБУШКИ ДУРОВОЙ

Мышиная железная дорога
сегодня не поразит даже
малышей

Наталия Дурова, 7
- 2001. - 12 янв. - с. 7

Григорий Заславский

ПЕРВЫЕ дни нового года — время слок, детских утренников в три смены с невыспавшимися актерами, которые путают текст и сами роли, если верить разного рода театральным анекдотам. За десять или — если приплюсовать сюда еще два-три последних декабрьских дня — двенадцать-тринадцать дней в Москве сыграли (по самым скромным подсчетам) около 600 новогодних сказок на экологические (в столичной из-

лете — грязь. Почему-то вспомнились феерические выходы Натальи Дуровой на ежегодных встречах столичной театральной интеллигенции с Юрием Лужковым. Некоторая ротация выступающих на таких торжественно-домашних встречах вообще-то имеет место, но Дурова выступает всегда. Злые языки говорят, что она выходит на трибуну с удавом, заменяющим ей боа. Я не видел. В памяти остались всегда элегантные шляпы и концертные платья. Все говорят Юрию Михайловичу примерно одно и то же, благодаря за внимание и признаваясь в любви, и



Наталия Дурова — в шляпе, но не на коне.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

рин), спортивные и, наконец, «профилирующие» рождественские сюжеты, а также еще десятки «Снежных королей», «Синих птиц», «Ундин», «Островов сокровищ» и мюзиклов для детей и их родителей («По поводу обещанного масла»). По несколько детских представлений в день давали два московских цирка.

Среди всего этого буйства, одинаково утомляющего детей, их родителей и актеров, особняком стоит «Уголок ледянки Дурова». В буквальном смысле — в стороне от столбовых дорог. Несмотря на обилие вокруг строительного мусора, какие-то заборы и какое-то количество работающей и заброшенной ремонтной техники, театр много лет неизменно руководимый Натальей Дуровой, работает. Летом, наверное, здесь поуютнее. Зимой — не очень.

Подъезжая загадя, можно подумать, что театр скорее закрыт, чем открыт. Обход здания, произведенный нами чуть позже, способен лишь утвердить в таком предположении. Некоторой неприветливостью веет от просьбы не стучать в дверь, за которой, если верить другому объявлению, скрывается мышиная железная дорога. Ручек на дверях не было. Сама дверь какою-то почти плюшкинской неопрятностью меньше всего походила на вход в театр, пусть и не самый главный. Другие особой паральностью также не выделялись.

В пустом кассовом вестибюле было холодно, около двух аттракционов-качалок мерзла стужительница. Двухлетний Асе мне хотелось показать мышиную железную дорогу. По пути бабушка и дедушка ей успели рассказать про кондуктора с портфельчиком, про паровозик с вагончиками, про настоящих белых мышек, которые заполняют вагончики и отправляются в далекое путешествие.

На четверых мы купили четыре билета (если память не изменяет, по 25 рублей каждый). Ближе к началу на улице заработала еще одна карусель совсем уже аварийного вида (а аттракционы в кассовом зале, наоборот, закрылись). Попробовав всего понемногу, ребенок, естественно, попросился в туалет, но ный туалет оказалось почти невозможно. Мы обошли все здание (насколько это позволяли разнообразные заборы и решетки), но ничего похожего не заметили. В дверь, которая должна была бы уже открыться, была закрыта, стучать — как нас и просили — мы не решились. На служебном входе нас согласились пропустить в служебное заведение.

Внутри поражала все та же неопрятность, заметная и при внешнем осмотре здания. В туа-

лете — грязь. Почему-то вспомнились феерические выходы Натальи Дуровой на ежегодных встречах столичной театральной интеллигенции с Юрием Лужковым. Некоторая ротация выступающих на таких торжественно-домашних встречах вообще-то имеет место, но Дурова выступает всегда. Злые языки говорят, что она выходит на трибуну с удавом, заменяющим ей боа. Я не видел. В памяти остались всегда элегантные шляпы и концертные платья. Все говорят Юрию Михайловичу примерно одно и то же, благодаря за внимание и признаваясь в любви, и

Представление мышиной железной дороги стало мощным заключительным аккордом в цепи копившихся сомнений и мелких разочарований. С небольшим опозданием возжеленная дверь распахнулась. Сорок родителей с детьми отдали привратнику билеты, которые были сложены аккуратной стопочкой на столике у входа. Сели на не слишком удобных лавках. Погас свет. Несвежие и, кажется, даже грязные занавески рattleхались в разные стороны. Затрещала-загнусавила фонограмма, из которой не без труда можно было разобрать отдельные слова. Что-то в рифму — про сказочную страну, про Бабу-ягу, про Соловья-разбойника...

Не сразу даже взрослые догадались, что при упоминании каждого нового персонажа там, на «сцене», что-то мелкое, вероятно, и изображавшее того или другого героя, начинало ерзать и вертеться, освещаемое еле заметным фонариком (пржектором эти тусклые огни не назовешь). Минут через пятнадцать после начала «представления» дошла очередь и до мышей. На «авансцену» выкатился паровоз с вагончиками, сверху, из какого-то загончика, выпустили белых мышек. Мышки заполнили освещенные вагончики, и поезд тронулся. Он шел по кругу, невнятный голос «обосновывал» сюжет. Было холодно и неудобно. После нескольких удачных кругов мышки по сюжету попали в какую-то засаду, потом их, естественно, выручили, и поезд сделал еще несколько кругов с уже освобожденными (по сюжету) мышами. Обрати их выпускать на глазах у маленьких и взрослых зрителей не стали. Под боллые куплеты занавесочку залернули. С начала представления прошло минут тридцать пять.

Зажегся свет. В комнату вошел какой-то человек с морской свинкой и предложил желающим сфотографироваться на память (фотографии — по почте). Желаясь, кажется, не было.

Появились сомнения: а может, не было никаких фуражек, не было портфельчиков, не было свистка паровоза? И все это фактаны бабушек, дедушек, пап и мам, нафантазировавших бот вест что? Сказки — со всем ес ложнорусскими антуражем и бездарными стихами — не было точно. А вот фуражечки и все остальное, что именно и приводило в восторг, кажется, были. У деушки Дурова. А у бабушки — нет. ■